

може собі цього дозволити. За допомогою даних фонетичних засобів та жарту в цілому Сіманек і привертає увагу читачів до того факту, що певне явище, на його думку, є негативним, і в той же час змушує читача посміхнутися та розважитися.

Аналіз прикладів також дозволяє дійти висновку про те, що мовна гра в наукових текстах може вказувати на високий статус вченого-популяризатора, як наприклад, лектор дозволяє собі відхилення від стандартних правил побудови текстів та повідомлень наукового дискурсу. «*Somerset was a prominent public figure who was interested in science, mechanics and mathematics and made useful suggestions and improvements for them, especially for the use of steam as a motive power. He has some claim to being the inventor of the steam engine. The PDF of his book is free online, and certainly worth no more*» [10]. В даному прикладі відомий вчений-популяризатор Д. Сіманек під час лекції не схвально говорить про свого колегу-вченого, дозволяючи собі кепкувати з нього.

Іншою функцією використання прийому мовної гри в текстах наукового дискурсу є розважити, зацікавити аудиторію. «*If you have just invented a seemingly marvelous perpetual motion machine, you'd better look here to see whether it has been done before. If it has, you can be sure it doesn't work*» [10]. В даному прикладі лектор Дональд Сіманек починає діалог з аудиторією з метою викликати інтерес слухачів.

Також однією з функцій використання мовної гри є привертання уваги аудиторії / читача / студента до певного пункту, теми, питання: «*The Landgrave hired natural philosopher and engineer Professor 's Gravensande of Leyden(1688-1742) to investigate the machine. He observed it (without being allowed to look inside) and described it in a letter to Sir Isaac Newton. «... hollow wheel, a kind of drum, covered over with canvas to prevent the inside from being seen. I have examined the axles and am firmly persuaded that nothing from without the wheel in the least contributes to its motion». We have no record that Newton ever replied. Newton disliked being a part of any controversy»*» [10]. В кінці довгого пояснення теми з наведенням цитати лектор Дональд Сіманек повертає увагу аудиторії на себе за допомогою жарту.

Таким чином, в основі побудови мовної гри є порушення мовної норми, що на практиці реалізується за допомогою використанням риторичних засобів, що в цілому має на меті створення дотепних, комічних висловлювань, які характеризуються влучністю, оригінальністю та несподіваністю. Незважаючи на те, що на перший погляд використання прийому мовної гри не є притаманним для текстів наукового дискурсу, практично мовна гра має ряд своїх функцій, за якими вона реалізується в наукових текстах, особливо що стосується науково-популярних текстів. Проаналізований матеріал усного наукового дискурсу (науково-популярні лекції) дозволяє визначити основні функції: звернути увагу слухачів на певне питання лекції, розважити аудиторію та підкреслити власний високий статус у науковому світі, який дозволяє відходити від звичайних норм текстів заданого дискурсу.

Література:

1. Аликаев Р. С. Язык науки в парадигме современной лингвистики / Р. С. Аликаев. – Нальчик, 1999. – 210 с.
2. Витгенштейн Л. Коричневая книга / Л. Витгенштейн. – М. : Дом интеллектуальной книги, 1999. – 158 с.
3. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество / Т. А. Гридина. – Екатеринбург: Издательство УГПУ, 1996. – 204 с.
4. Журавлева О. В. Когнитивные модели языковой игры автореф. дис. на получение канд. филол наук: спец. 10.02.19 «Теория языка» / О. В. Журавлева. – Алтайский государственный технический университет. – Барнаул, 2002. – 21 с.
5. Карасик В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. – Волгоград : Перемена, 2000. – С. 5–20.
6. Кибрик А. Е. Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах / А. Е. Кибрик, А. С. Нариньям. – М. : Наука, 1987. – 335 с.
7. Красиков Ю. В. Алгоритмы порождения речи / Ю. В. Красиков. – Орджоникидзе : Издательство ИР, 1990. – 239 с.
8. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1999. – 544 с.
9. Сковородников А. П. Об определении понятия «языковая игра» / А.П. Сковородников // Игра как прием текстопорождения: коллектив. монография под ред. А.П. Сковородникова. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2010. – С. 50–62.
10. Lectures by Donald Simanek. – [Electronic resource]. – Access mode : <https://www.lhup.edu/~dsimanek/>

УДК 7.046: [821.581+821.161.1]

А. А. Плотникова,

Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко, г. Полтава, Ланьчжоуский политехнический университет г. Ланьчжоу, Китай

Л. В. Климчук,

Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко, г. Полтава

МІФОЛОГЕМА ЛИСИЦІ У ТВОРЧОСТІ ПУ СУНЛІНА ТА ВІКТОРА ПЕЛЕВІНА

У статті автори розглядають репрезентацію міфологеми лисиці, що є характерною для творчості середньовічного китайського письменника Пу Сунліна, у творчості В. Пелевіна. У статті досліджуються літературні традиції китайського розповідача, які знайшли своє відображення у творчості сучасного російського письменника. У ході роботи автори розглядають традиційну китайську міфологеми лисиці, представлену в сучасному російському романі. Автори роблять висновок щодо значення китайських літературних традицій у творчості В. Пелевіна

Ключові слова: Пу Сунлін, Віктор Пелевін, міфологема, лисиця, традиція.

FOX MYTHS IN THE WORKS OF PU SONGLING AND VICTOR PELEVIN

In this article the authors examine the representation of fox mythological image, which is common for the medieval art of Chinese writer Pu Songling, in the works of Russian writer Victor Pelevin. The article investigates the literary traditions of the Chinese narrator, which are reflected in the works of contemporary Russian writer. During the work the authors consider the traditional Chinese mythology, image of fox, presented in a modern Russian novel, its origin, evolution and classification, as well as characteristic features. In the article the parallel between the traditional Chinese way of representation of fox-werewolf and image of fox A-Huli by V. Pelevin were given. The authors conclude that the role of the Chinese literary tradition in the works of Victor Pelevin, namely the significance of the fox myths that arose in the early Middle Ages in the Chinese literature and found its reflection in the main character of the novel protagonist A-Huli, main character in the novel «The Sacramental book of Werewolf» by Victor Pelevin.

Key words: Pu Songling, Victor Pelevin, mythology, fox, tradition.

МИФОЛОГЕМА ЛИСИЦЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ПУ СУНЛИНА И ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА

В статье авторы рассматривают репрезентацию мифологемы лисицы, характерной для творчества средневекового китайского писателя Пу Сунлина, в творчестве В. Пелевина. В статье исследуются литературные традиции китайского сказителя, которые нашли свое отражение в творчестве современного русского писателя. В ходе работы авторы рассматривают традиционную китайскую мифологему лисицы, представленную в современном русском романе. Авторы делают вывод о роли китайских литературных традиций в творчестве В. Пелевина.

Ключевые слова: Пу Сунлин, Виктор Пелевин, мифологема, лисица, традиция.

Мир, в котором мы живем, развивается такими темпами, что многие успевают только стоять в стороне и наблюдать за гигантскими шагами прогресса. Влияние многих стран не безызвестно, так и невидимая рука Китая уже вторглась в нашу жизнь и мировоззрение. Нельзя сказать с полной уверенностью, когда именно это произошло, но фен-шуй и фильмы Джеки Чана также знамениты в мире, как и Полтавские галушки в Украине. В то время как наши молодые таланты осваивают китайские просторы, китайские же, в свою очередь, – все мировое пространство. Многие авторы используют мотивы Китая в своем творчестве, адаптируя их для определенной аудитории или оставляя неизменными.

Восточные мотивы нашли свое отражение в современной русской литературе, и такие мэтры как Виктор Пелевин и Борис Акунин обращаются к ним в своем творчестве. Китайская мифология, средневековая литература и современное творчество писателей Китая – это все неисчерпаемый клад вдохновения для творцов во всем мире.

Мифологема лисицы, традиционная для восточной литературы в целом, вошла в современную литературу и кинематограф, стала одной из наиболее узнаваемых восточных образов. Данное явление характерно для творчества Виктора Пелевина, одного из самых исследуемых российских авторов нашего времени, чьи романы всегда с нетерпением ожидаемы читателями. На данный момент В. Пелевин стал еще и счастливым обладателем титула самого влиятельного интеллектуала России по версии культурного портала «OpenSpace.ru» [2]. Ввиду взаимопроникновения китайской и русской литератур на современном этапе изучение процесса их взаимовлияния привлекают особое внимание исследователей. Поэтому данная статья является попыткой комплексного анализа китайской литературной традиции в творчестве отдельно взятого русского писателя, что немаловажно для понимания развития современной русской и китайской литератур.

Исследованием творчества Пу Сунлина занимался переводчик В. М. Алексеев, открывший для русского читателя чарующий мир китайских историй о «необычайном». Кроме того, изучением наследия китайского новеллиста занимались Д. Н. Воскресенский, Г. А. Джайлз, И. А. Алимов, Я. Я. М. де Гроот. Казалось бы, работы средневекового писателя уже должны быть достаточно исследованы, но внимание сиологов в большей мере привлекает конфуцианский аспект его творчества, тогда как литературоведческий остается незатронутым. Что касается В. Пелевина, то в ряды его исследователей входят Т. М. Лестева, Ю. Щербинина, Н. Переяслов, С. Казначеев, И. Кукулин, И. Каспэ, Д. Володин и другие. В круг их научных интересов входят разнообразные аспекты творчества русского мэтра, и даже в самом романе «Священная книга оборотня» каждый находит собственный предмет исследования. Так, образ главной героини романа лисицы А-Хули вызывает интерес каждого, но при этом, ни мифологема, ни традиции китайской культуры, представленные с ее помощью изучены не были. Именно поэтому данная статья посвящена исследованию мифологемы лисицы, традиционной для китайского писателя Пу Сунлина, в романе Виктора Пелевина «Священная книга оборотня». Новизна нашей работы заключается в сопоставлении творчества двух авторов, которое проводится впервые, и выявлении характерных традиций в использовании мифологемы лисицы.

Целью работы является исследование мифологемы лисы в романе В. Пелевина «Священная книга оборотня». В ней хотелось бы раскрыть литературоведческий аспект заявленного феномена в творчестве русского писателя.

Обратимся к понятию мифологемы как древнему образу в действии. Согласно К. Г. Юнгу, происходящие из древней литературы и в том числе мифов, образы могут служить материалом для нового витка творчества на современном этапе. Основное свойство мифологем заключается в том, что «застывая в форме сакральных традиций, мифологемы, тем не менее, сохраняют свойства произведений искусства» [1, с. 13]. И служат основой для творчества более поздних этапов литературного процесса. Так, впервые появившийся в мифологии и словесности Древнего Китая образ лисицы стал традиционной мифологемой для таких китайских авторов как Пу Сунлин, Юань Мэй, Цзи Юнь. Сейчас он проникает в литературу и кинематограф зарубежья (например, «47 ронинов»).

В романе Виктора Пелевина «Священная книга оборотня» мифологема лисицы представлена в образе главной героини А-Хули. Ее имя выбрано не случайно, «狐狸» с китайского переводится как лиса, и получается, что лиса у нас А-лиса. Но вернемся к тому, что данная мифологема пришла в литературу из Китая, поэтому образ нужно воспринимать исключительно в китайском контексте, и не связывать с привычной для нашего читателя Лисой Алисой – персонажем сказки А. Н. Толстого. Пелевинская героиня – это бессмертная лиса, которой несколько тысяч лет. Данный факт и есть одним из определяющих моментов для дифференцирования мифологемы китайской лисы. Вечность присуща лисам Пу Сунлина, и говоря, о мифологеме лисы в китайской литературе, нельзя не упомянуть классификацию лис по возрасту и приобретенным сверхъестественным способностям. Так, пятидесятилетняя лиса может превращаться в женщину, знает некоторые языки; в сто лет она умеет превращаться в мужчину и ее умения и возможности увеличиваются с каждым годом. Тысячелетней лисе открываются законы Неба, и она становится Небесной лисой с девятью хвостами.

В романе В. Пелевин знакомит читателя с китайским прошлым героини: она вспоминает и времена Сражающихся Царств, свою сестру И – якобы знаменитую императорскую наложницу Летящую Ласточку, и даже мужа сестрички Е – Юань Мэя – автора «О чем не говорил Конфуций» (сборник историй о лисах-оборотнях). Автор явно не вырывает ее из среды: А-Хули расскажет о Конфуции и его канонах, о комедии «Две лисы в одном городе» и даже прочитает стихотворение Ли Бо «Луна над горной заставой». Все это дополняет ее образ, делает более естественным. А-хули, конечно же, приобретает новые черты, но все же остается тот знакомый для китайской литературы образ лисички, которая живет в могилах, наводит морок на случайных прохожих и вытягивает жизненные силы из мужчин. К тому же, веселая лиса в образе четырнадцатилетней девочки занимается древнейшей в мире профессией на просторах российской столицы. В заявленном образе мифологема приобретает новую важную особенность – хвостик, как его сама героиня называет «пушистая гибкая антенна огненно-рыжего цвета» [3, с. 28]. При этом антенна еще и меняется в размерах: в спящем состоянии хвостик можно спрятать под одеждой, а вот в рабочем – как говорят, шила в мешке не утаишь, – может быть до метра длиной. Этот хвост – важный атрибут ее жизни и профессии – это «орган, с помощью которого мы создаем наваждения» [3, с. 29], говорит лиса. У Пу Сунлина об этой части тела речь не идет, соответственно в этом состоит догадка русского автора, который рисует нам образ рыженькой лисички с хвостиком-антенной. Эротические наваждения – вот и все, что делает наша московская лисичка: она никоим образом не принимает участия в рабочем процессе, кроме как, настраивая хвостик, осуществляет желания своих клиентов.

Следует также упомянуть, что лисы по Пелевину – бесполое существо, у них нет репродуктивных органов, и они сами выбирают какой образ принять – мужчины или женщины. Этот момент отличает А-хули от привычной мифологемы лисы у Пу Сунлина. В его сборнике «Ляо Чжай чжи и» мы встречаемся с ситуациями, когда лисы создают семью и имеют детей.

Китайская мифологема лисы и героиня романа имеют сходные черты. Например, традиционная китайская лиса занимается охотой, принимая свой животный облик. Так же и А-хули время от времени занимается «охотой на кур» – своеобразный способ поддержания формы. Внешняя животная форма лис совпадает: молодая особь пушистая и красивая, а старая – облезлая и непривлекательная.

В привычном для китайской литературы образе представлено стремление их рода к развитию, науке и истине, даже к семье. Пелевин продолжает эту традицию – его героиня стремится познать истину и найти путь к самосовершенствованию. Ведь давным-давно в Древнем Китае монах поведал ей, что она избранная – будущий сверхоборотень, и теперь А-Хули старается вступить на путь самосовершенствования, войти в Радужный поток и, достигнув уровня сверхоборотня, поделиться приобретенными знаниями с сестричками-лисами. Вот разве такое возможно-то с ее работой? Поэтому автор очень быстро обрывает связи А-хули с древним ремеслом. Теперь за героиней следит ФСБ, которая в итоге оказывается стаей волков-оборотней. С профессией приходится покончить. Встретив своего героя – волка-оборотня, лисица влюбляется.

Волк Александр Серый, он же – генерал-лейтенант ФСБ, становится поворотным моментом в развитии лисички А-хули, из обыкновенной бессмертной, превращается в сверхоборотня. Он – грешен, подвержен страстям, но в тоже время, любовь к нему преображает нашу героиню до неузнаваемости. Она и до встречи была достаточно необычным образцом китайской цивилизации: она, как и ее сородичи, морочит головы людям и живет благодаря этому, следует китайским религиозным канонам – даосизму, буддизму и конфуцианству, слитым воедино. Теперь же, забывая о своем привычном дао, она начинает философствовать об учениях Канта, Ницше и Беркли. Здесь Пелевин далеко ушел от привычной для китайской литературы мифологемы лисы. Отношения с оборотнем меняют не только философские воззрения героини, но и взгляд на многие другие аспекты, например, отношения между мужчиной и женщиной. Первое, о чем нужно сказать, это то, что Александр Серый – оборотень из России, а вот она – из Китая. В Москве живет уже немало лет, но все-таки некоторые традиционные для понимания русским человеком истины А-хули неизвестны: она вспоминает о русских поэтах и даже немного говорит о русской душе, но патриотизм Серого, его охота на нефть ей не привычны и непонятны. Конечно, под влиянием любимого она приобщается к его образу жизни, но она постоянно возвращается мыслями к истокам – к своей китайской отчизне. Перед нами отношения двух разных видов (волк и лиса) и даже двух разных наций. И Пелевин говорит, что такое возможно. Главное совсем не внешность, ибо А-хули будет любить своего Серого даже когда тот станет черной собакой. Для героев любой любовной истории всегда важны чувства. И наша героиня в итоге меняет свое мнение о любви: «Пока я не узнала на собственном опыте, что такое любовь, я считала ее неким специфическим наслаждением, которое бесхвостые обезьяны способны получать от общения друг с другом дополнительно к сексу... Любовь оказалась совсем не тем, что про нее пишут... Она не походила на опьянение, но еще меньше напоминала трезвость... В любви начисто отсутствовал смысл. Но зато она придавала смысл всему остальному. Она сделала мое сердце легким и пустым, как воздушный шар» [3, с. 300-301]. Именно эта любовь, которую она приписывала исключительно людям и не считала ничем особенным, стала движущей силой, толкающей ее в Радужный поток. Конечно же, любовь не бывает милостивой, и у А-хули «Любовь и трагедия идут рука об руку» [3, с. 300]. Превратившись от поцелуя истинной любви в черную собаку, Александр Черный решает, что именно он является сверхоборотнем. И как в итоге получается, двум сверхоборотням мало места в маленькой России. Все эти любовные перипетии помогают героине войти в Радужный поток. Именно отношения лисы и волка, принятие и осознание этой любви, у Виктора Пелевина стали еще одной отличительной чертой А-хули от традиционной мифологемы, которую мы видим у Пу Сунлина. Пелевинская лисица – ни что иное как мифологема в движении – развивается, приобретает новые особенности, но китайская основа остается неизменной.

Таким образом, творчество Пелевина демонстрирует многогранность современного прочтения древнекитайской мифологемы лисы. В его романе «Священная книга оборотня» А-хули, тысячелетняя лиса, переживает многочисленные изменения: лиса влюбляется, учится строить отношения с волком, терпит расставание и входит в Радужный поток – все это и противоречит первоначальной мифологеме лисы, но и делает ее индивидуальноавторской. Рассмотренный роман, на наш взгляд, иллюстрирует особенность эволюции мифологемы от средневековой героини в работах Пу Сунлина, до современного пелевинского образа лисы, синтезировавшего традиции Китая и новые веяния современной России.

Література:

1. Кереньи К., Юнг К. Г. Введение в сущность мифологии // Юнг К. Г. Душа и миф. Шесть архетипов, – М. : ЗАО «Совершенство», 1997. – 395 с.
2. Лестева Т. Мой Пелевин. За или Против? / Т. Лестева // Литературная учеба. – 2011. – № 5. – С. 148–177.
3. Пелевин В. О. Священная книга оборотня / В. Пелевин. – М. : Эксмо, 2015. – 416 с.

УДК 811.112.2 : 81'276.3

О. В. Поздняков,

Прикарпатський національний університет імені Василя Стефаника, м. Івано-Франківськ

НІМЕЦЬКА МОЛОДІЖНА ЛЕКСИКА З ПЕЙОРАТИВНИМИ КОМПОНЕНТАМИ: СТРУКТУРНО-КВАНТИТАТИВНИЙ АНАЛІЗ

У статті проаналізовано шляхи утворення молодіжних сленгізмів та їх пейоративно маркованої частини. Автор вказує на передумови використання молодіжного сленгу, його роль у збагаченні словникового складу сучасної німецької мови. На основі вибірки з лексикографічних джерел вивчено специфіку номінативних процесів (словотвору, семантичної деривації, запозичення) для обох виокремлених груп сленгізмів. Зазначено екстралінгвальні чинники, які детермінують семантичні зміни твірних основ молодіжного вокабуляру. За допомогою критерію Стьюдента встановлено статистичну значимість різниці відсоткових показників, одержаних при аналізі шляхів утворення загальної кількості лексикографічно зафіксованих сленгізмів та мовних одиниць з пейоративними компонентами.

Ключові слова: молодіжний сленг, сленгізми з пейоративними компонентами, словотвір, семантична деривація, запозичення, критерій Стьюдента.